

АНАСТАСИЯ
ПОПАНДОПУЛО

УБИЙСТВО
ПО-КИТАЙСКИ

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П57

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Попандопуло, Анастасия Юрьевна.
П57 Убийство по-китайски: [роман] / Анастасия Попандопуло. — Москва: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024. — 352 с. — (Мастера исторического детектива).

ISBN 978-5-17-162674-7

Восьмидесятые годы девятнадцатого века. На торжественном приеме по случаю открытия губернского театра убит миллионер-чаепроходец. Кто стоит за этим преступлением? Семья? Конкуренты? А может быть, китайцы, внезапно приехавшие осмотреть предприятия покойного? В расследование странного дела волею обстоятельств вынужден включиться молодой доктор Борис Самулович и его друг Аркадий Зимин.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-162674-7

© Попандопуло А. Ю., текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ПРОЛОГ

«Воскресение Твое, Христе Спасе», — донеслось из собора уже совсем отчетливо. Тяжелые, обитые медью двери распахнулись. Антипка — худой белобрысый парнишка, стоящий с нищими у собора, заерзал и предпринял еще одну попытку протереться поближе к паперти, но получил тычок в грудь и снова отпрянул назад. Неистово затрезвонили колокола. На ступенях показался дьякон с фонарем, за ним несли крест, икону Богоматери в золотом окладе и хоругви. Между двумя шеренгами служек величаво выступал ведущий службу архимандрит. Стоящие на улице оживились. Крестный ход медленно и торжественно выступал из храма. Блеск свечей, драгоценных камней, рассыпанных на крестах и окладах, запах ладана, гудение колоколов — все это ворвалось в промозглую сырость ночи, закружило, оторвало от земли. Антипка поднял глаза. На черно-звездном фоне сиял золотом крест.

— Хорошо-то как, дядька, — обратился он к стоящему рядом хромому инвалиду, — благодать!

— Благодать-то благодать, да не забыли бы подать. Стыну совсем, — просипел тот и закашлял.

— Праздник православный, благолепие. Дитя радуется. Спаси, Христос! — закрестилась рядом баба в платке.

Нищий коротко глянул на нее, потом на иззябшего Антипку и мотнул головой. Ход спустился по широким ступеням и пошел вокруг храма. Нищие, до того стоявшие по обе стороны высокого соборного крыльца, потянулись во след. Антипка оказался с самого края процессии. Ледяной ветер кинулся под лохмотья и пробрал до самых печенок.

— Жены-мироносицы, заступницы, — бормотала богомольная тетка.

Бахнул салют. Яркие искры взлетели в небо, смешались со звоном и пением. Закружились-заметались в морозном воздухе, выхватывая из темноты крыши, черные сугробы, брусчатку, голые черные ветви, золотое шитье. Антипка замороженно вертел головой и вдруг удивленно присвистнул. Немного в стороне, в тени торгового ряда, на площади обосновалась диковинная группа — низкие узкоглазые люди в необычных длинных одеждах и круглых шапках. В центре группы стоял такой же узкоглазый господин, но в пальто на меху и шляпе-цилиндре. Сполохи салюта лишь ненадолго озаряли темноту галереи, ложились рваными отсветами на бесстрастные плоские лица. Словно маски, подумал Антипка. Он засопел, попытался приостановиться, чтобы еще раз рассмотреть странных людей, но получил ощутимый тычок в спину — а ты не стой столбом, не мешай людям. Вздохнул и заковылял дальше.

— Это китайцы, — внезапно пояснил шагающий рядом мужчина с темной курчавой бородой, в высоких сапогах и богатой синей с красным узором сибирке, но с каким-то удивительно нервным, даже больным лицом. — Еще встретишься с ними. Они, я думаю, надолго. К Трушникову приехали.

— Китайцы, ишь ты. От больших денег можно и китайцев пригласить, — покивал инвалид. — Смотрят на наш праздник! Поди, у себя такого благолепия и не видели.

— Барин, а барин, а что это Трушников нехристей позовал? А он им деньги платит или они ему? — заспешил с вопросами Антипка.

— Трушников! Деньги! — грубо буркнул какой-то мужик сзади. — Не Трушников, а Трупников, скажи! Рожа.

— Тише-тише. Простить надо, — вступила давешняя баба в платке.

— А ты мне рот не затыкай, знаю, что говорю. Я у него, может, на складах работал. Всякого повидал, — цыкнул мужик.

— Так что я-то, праздник Христов, а ты лаешься. Бесам на радость такое, батюшка.

— То-то и праздник, — внезапно подхватил бородач. — Самый праздничек. Яблоко люди съели — Господь проклял, а сына распяли, так простил. Вот тебе и подумай.

Баба мелко закрестилась. Инвалид молча потянул Антипку прочь от странного соседства. Впрочем, и сам барин заспешил сквозь толпу вперед к чистой публике. Его настойчивая суетливость, странно-бесцельная порывистость в движениях, а больше всего отсутствие свечи вызывали немало удивления. Народ недоуменно косился, пожимал плечами, что, впрочем, мало заботило нарушителя спокойствия.

Антипка подтянулся на цыпочки и нашел глазами семейство Трушниковых. Отец — Василий Кириллович в шинели с большим меховым воротником с перевязью и

орденами важно шел в первых рядах крестного хода. Сухое и острое лицо его было в соответствии со случаем спокойно и полно достоинства. По правую руку от него, чуть сзади, опустив глаза, шла женщина в очень красивой и явно дорогой одежде. Ее Антипка знал хорошо. Это была жена Трушникова — Ольга Михайловна. Немного полюбовавшись ею, парнишка выхватил взглядом молодого щеголя с презрительной миной на гладком выхоленном лице, а позади него еще одного мужчину — чуть старше, низкого, широкоскулого, с раскосыми глазами. Этот господин был одет много проще окружавших его людей, но не только это выделяло его из толпы — в руке у него не было свечи, и вообще в службе широкоскулый участвовал мало (даже крестился раз через два и как-то неохотно). Антипка нахмурился, этого мужчину он знал, и ему было неприятно, что тот пренебрегает праздником.

У паперти снова встали. Звон утих. Архимандрит совершал каждение дверей собора. Пел хор. Влажный стылый воздух дрожал вокруг огней зажженных свечей. Ликующая радость зародилась где-то внутри Антипкинго живота и стала шириться, подниматься, пока не заполнила все тело. Лица стоящих разглаживались, плечи выпрямлялись.

— Христос воскресе! — наконец возгласил архимандрит.

— Воистину воскресе! — понеслось над площадью.

Двери распахнулись. Ход повлекся внутрь собора. Свечи, иконы, монашеские одежды, праздничное облачение белого духовенства, пальто, шинели, сибирки, салопы медленно плыли по ступеням, возносясь в храм, как в рай, а навстречу им летело ликующее пение хора. Потекли по

ступеням и нищие. На середине лестницы Антипка оглянулся. Тяжелый мрак лежал в галерее торговых рядов. Свет фонаря на углу не мог пробиться под своды. Впрочем, почему-то казалось, что никого там уже и нет. У самой двери, там, где уже тянуло теплым сухим воздухом, в грудь мальчика внезапно уперлась чья-то рука. Он поднял глаза. Путь преграждал полицейский офицер в парадном мундире. Антипка скорчил жалобное лицо, но полицейский только покривился.

Люди текли мимо. Из храма тянуло теплым воздухом. Антип, хромой и баба в платке жадно ловили тепло.

— А и на паперти встретить праздник — все благодать, — заметила баба. — Иисус смирению учил...

— Эту науку мы хорошо усвоили, — буркнул инвалид. — Только отчего все нам уроки? Вон тех же Трушниковых отчего бы этой науке не поучить.

— Что ты все бунтуешь, яко бес, — замахала рукой баба. — Хоть в праздник свой язык-то греховодный придержи. И потом, у каждого свой крест-то, али не знаешь? Где Господь дает, там и берет.

— А что он у них взял? — влез Антипка. Очень ему нравилось слушать про беды богачей.

Тетка покосилась на него.

— Ты маленький — не помнишь, а я все вот этими глазами, считай, видела. Все передо мной было. Драма у него в семье, — она понизила голос. — Выгнал он старшего сына. И сам посуди, что важнее — деньги или сын?

Антипка был уверен, что деньги, но тем не менее скорчил подобающую гримаску и закивал головой.

— А что с сыном то дальше стало? — спросил хромой.

— Так... — растерялась баба. — Вроде умер. Слухи разные.

— Умер тот сын, совсем умер, — донесся сзади низкий голос.

Антипка повернулся. Позади них стоял давешний бородач в богатой сибирке. Он прошел вперед, что-то сунул в руку полицейскому.

— Этот со мной, — кивнул он на Антипку.

Офицер дернул плечом и отвернулся. Антипка юркнул в собор и встал у стены. Станный же господин повертелся немного у входа, снова будто кого-то выглядывая. Застыл на мгновение. Потом развернулся и, расталкивая входящих, бросился вон.

— Даже лба не перекрестил, — прошептал инвалид, который, как и Антипка, проскользнул в храм и тоже, оказывается, следил за странным барином. — Ты вот что, малой, ты помолись-ка за него. Детская молитва до Господа всегда доходит. Давай, ничо.

1

ИЗ ЗАПИСОК АПЗ

Теперь, когда имя Бориса Михайловича Самуловича известно всем, а значимость его трудов по физиологии и клинической медицине трудно переоценить, я решил положить на бумагу кое-какие свои воспоминания о нем и том времени, когда он делал свои первые шаги. Вижу, как некоторые из вас улынулись — еще один осколок прошлого пытается скрасить жизнь, вспоминая былую близость к великим людям и делам. В чем-то вы правы. Многие из нас — надломленные, лишенные почвы под ногами, да что там скрывать — нищие и всюду чужие, мысленно уходят в прошлое. Кто-то ищет там причины произошедшего, те точки, когда, приложи мы усилия, все могло бы повернуться иначе, кто-то бесконечными рассказами о своем былом блеске хочет пробудить в окружающих хоть искру того уважения, к которому он привык и на которое по нынешнему своему положению не имеет ровно никаких прав. Большинство же, по моим наблюдениям, уходят в прошлое, как завзятые опиумисты уходят в зыбкий мир грез, — пытаюсь забыть тяготы и унижения настоящего.

Однако хочется думать, что причины, побудившие меня взяться за перо, лежат в несколько иной плоскости, чем мои личные интересы и выгоды. Дело в том, что совсем недавно ко мне обратился один весьма молодой французский журналист с просьбой рассказать что-нибудь о ранних годах Самуловича. Я тогда отговорился плохим самочувствием — юноша не внушил мне доверия своим слишком легкомысленным тоном и намеками на то, что воспоминания должны содержать некий элемент сенсации. А еще лучше скандала. Так или иначе, я отказался тогда говорить, однако сама мысль — обнародовать то, что я знаю, то, что видел собственными глазами, — показалась мне правильной. Вполне очевидно: рано или поздно появятся и серьезные исследователи биографии Бориса Михайловича. Для них, а также для всех, кто лично знал нас в ту пору, и пишу я свои заметки. Уверен, что они позволят раскрыть еще одну, совершенно неожиданную сторону этого неординарного человека.

Итак, за дело.

Познакомились мы совсем молодыми людьми. Случай свел нас в губернском городе Т., куда мы оба приехали после окончания университетов (я — Московского, по курсу математики, он — Киевского, по курсу медицины). Самулович приехал раньше меня месяца на два или три и к моменту моего появления в городе уже занимал место врача и неплохую квартиру во флигеле городской лечебницы, которую гордо именовал больницей. Я же поступил в Контрольную палату и снял комнату как раз напротив, в доме вдовы городского архитектора Беляковой. Не знаю, правда ли, а только мне кажется, что мы с Борисом сразу

как-то приглянулись друг другу. Свои первые впечатления я, во всяком случае, помню очень отчетливо. Буквально через несколько дней после заселения я шел на службу и увидел, как молодой доктор руководит уборкой больничного сквера. Столько толковой энергии и природного оптимизма было в его низкой и грузно-нескладной фигуре, такой контраст составляли точные короткие указания и простоватое крупноносое лицо, что я невольно затормозил. Он тоже, похоже, заметил меня. Мы обменялись поклонами и с того дня постепенно началось наше сближение. Окончательно же мы сошлись, встретившись на почте и с удивлением обнаружив, что оба получаем одни и те же литературные журналы. Не стану скрывать, что я с первых дней ставил своего нового друга несколько выше себя. Его необыкновенная эрудированность, а главное, увлеченность наукой восхищала меня чрезвычайно. Что он нашел во мне, кроме верного товарищества, — не могу сказать. Уж точно не «возможность пролезть в губернаторскую семью», как шипела за спиной Бориса Михайловича худшая часть губернского социума. Разумеется, это было неправдой. Во-первых, хоть я приходился губернатору двоюродным племянником по матери, но никакой особой протекции составить не мог. И если дядя впоследствии и выделял Самуловича, то исключительно благодаря его уму и медицинскому таланту, который теперь так широко признан. А во-вторых, и даже в главных, я не знал и не знаю человека менее склонного к интригам и менее озабоченного своим положением в обществе, чем Борис Михайлович. Все внешнее было ему абсолютно органически чуждо. Даже мои юношеские попытки исправить его гардероб или советы парикмахерского свойства он вос-

принимал с совершенно искренним недоумением и только спрашивал, неужели совсем невозможно ходить в обществе так, как ходит он, а коли возможно, так зачем же что-то менять.

Та история, о которой я хочу рассказать, началась весной 188... года, моего первого года в Т. Был Пасхальный понедельник. С утра я забежал в палату, постоял на молебне и забрал материалы по контрамаркам за обывательские подводки. В то время я был очень увлечен финансами. Мне казалось, что новые методы бухгалтерского анализа и статистики с одной стороны и свободной конкуренции с другой, могут преобразить Россию — меньшими категориями, понятно, я тогда и не мыслил. Полный энтузиазма, я с увлечением брался за любую работу и старался по осколкам информации составить общую картину и «изучить российскую деловую жизнь с самых ее основ», как я тогда писал своим университетским приятелям. Итак, в тот день я расположился с документами дома и принялся за составление справки. Вечером ко мне должен был зайти на шахматы Самулович, и я надеялся закончить все сверки до его визита. Однако цифры у меня категорически не сходились, что до крайности, помню, раздражало. Я взял папку с бумагами и решил разложить ее содержимое на полу строго в хронологическом порядке. Каждый документ я заново внимательно изучал, сопоставлял его данные с таблицей, которую вел на отдельном листе, и только потом помещал на ковер на предназначенное место. Я увлекся и, кажется, почти нащупал источник ошибки, как вдруг, зачерпнув очередной раз из папки несколько документов, остановился и какое-то время тупо разглядывал лежащий сверху конверт дешевой серой

бумаги с пометкой «А. П. Зимину лично в руки». Потом я начал озираться, как будто пытаюсь увидеть здесь у себя в комнате человека, подкинувшего странный конверт. И наконец зачем-то подошел к окну. Промозглый серо-линейный апрельский вечер плескался на улице. Желтые пятна больничных окон расплывались в напоенном влагой воздухе. Низкая бесформенная фигурка быстро пересекала улицу. Я бросился на первый этаж и распахнул дверь.

— Борис, как я рад, что ты пришел! — приветствовал я Самуловича.

— Как же не прийти, коли договорились? — улыбнулся он. — Да не случилось ли чего? Что это ты так возбужден? Здоров? Что дядя?

— Все здоровы, спасибо, — успокоил я его, провожая в свои комнаты. — Тут, понимаешь, странное дело. Похоже, мне письмо подкинули.

— Письмо? Что ж, радуйся, что подкинули письмо, а не ребенка. Да и что ты всполошился? Никаких грехов за тобой не водится, так что шантаж отпадает. А остальное...

Самулович аккуратно повесил выдавшее виды пальто, подпернул брюки и принялся протирать пенсне — что делал всегда в период раздумий или волнения. Я подвинул ему стул, крикнул служанке, чтобы принесла самовар, а сам аккуратно собрал бумаги с пола обратно в папку. После чего положил странное письмо в центр стола.

— Вот, смотри! — несколько театрально объявил я. — Таинственное послание, прямо мистика. Нашел в папке с рабочими документами. Совершенно не понимаю, как оно там оказалось. Готов поклясться, что в пятницу, когда я последний раз работал с этой папкой в присутствии, этого письма в бумагах не было.

— А что пишут? Ты читал? — тут же схватил конверт Борис. — Даже не распечатал? Что же ты!

Я протянул ему ножик, он аккуратно вскрыл конверт и достал небольшой неровно отрезанный лист. Мы склонились над письмом.

«Милостивый государь Аркадий Павлович. Знайте, что в ближайшее время в городе произойдет убийство. Жертвой станет Василий Кириллович Трушников. Информация у меня самая достоверная. Имени своего не раскрываю по личным мотивам. С уважением к вам, без имени», — прочитали мы.

— Вот это шутки так шутки, — протянул Самулович и аккуратно положил листок на стол.

— Да, странно. Как думаешь, что все это значит?

Борис скосил на меня глаз:

— Дело о загадочном письме! Таинственный аноним и два бывших студента, — заговорщическим голосом провозгласил он. — Выдвигаю версию номер один — это ты, мой друг Аркадий, решил меня повеселить. Нет? Тогда версия номер два: это — глупая мистификация. Кто-то узнал о наших с тобой литературных вкусах, — он кивнул на полку, где стояли заботливо переплетенные произведения По, Годвина, Видока, Габорио, Гарта, Загоскина и Коллинза, — и решил подшутить.

Я слегка покраснел. В ту пору мне очень хотелось, чтобы меня считали взрослым и серьезным человеком, и именно этой части своих литературных пристрастий немало стыдился.

— Очень мне надо тебя мистифицировать, — буркнул я, — что до прелестной версии номер два, то кто и зачем будет устраивать с нами такую шутку? Не такие уж мы фигуры, чтобы ради нас затеваться.

— Да, мы сейчас (подчеркиваю, сейчас) — не фигуры. Смысла нет никакого. По зрелому размышлению отклоняем эту версию. Остается еще три варианта.

Он уселся в кресло, вытянул вперед пухлую ладонь и начал загибать пальцы.

— Primo¹, записку писал психически неуравновешенный человек. Весной обычно происходит некоторое ухудшение всех нервных болезней. Этот вариант — самый безобидный. Не требует практически никаких действий с нашей стороны. Разве что я, как доктор, должен больше внимания уделять своим пациентам, так как скорее всего писал кто-то из моих подопечных.

— Почему?

— Это как раз достаточно очевидно. Качество бумаги, жидкие чернила, гадкое перо, оставляющее брызги, — все говорит о том, что писал это человек бедный, скорее всего пьющий (обрати внимание, как заваливаются строки). Ergo² — автор сего письма как раз из тех, кто прибегает к услугам земской медицины. Хуже, если подтвердятся две оставшиеся версии, вот смотри: secundo³, записку написал человек, который хочет таким вот образом помешать планам по открытию Губернского театра.

Внесли самовар, бублики, Борис оживился. Он очень любил поесть, хотя мало смыслил в сложных изысканных блюдах. Мы накрыли стол со всей возможной торжественностью, разлили чай. Борис затолкал за воротник салфетку и нацепил пенсне.

¹ Во-первых (*лат.*).

² Таким образом (*лат.*).

³ Во-вторых (*лат.*).